

Государственное бюджетное учреждение
дополнительного образования
Краснодарского края
«ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОДАРЕННОСТИ»
350000 г. Краснодар,
ул. Красная, 76
тел. 259-84-01
E-mail: cro.krd@mail.ru

Муниципальный этап

11 класс, задания

Председатель предметно-методической
комиссии: Сомова Е.В., к.ф.н., доцент

Аналитическое задание

Вам предлагается *на выбор* выполнить целостный анализ лирических произведений *либо* эпического текста.

1. Выполните целостный анализ стихотворений М. И. Цветаевой «Рассвет на рельсах» и «Поезд жизни».

В ходе работы Вы *можете* опираться на следующие вопросы:

- Значим ли для понимания содержания стихотворений исторический и биографический комментарий?
- Какова символика образов *вокзала, рельсов, поезда*? Как они соотносятся с образами *России* и *лирической героини*?
- Какие произведения русской классики составляют, на Ваш взгляд, литературный контекст этих стихотворений и почему?
- Какие черты цветаевского мировоззрения и поэтики проявились в этих лирических произведениях?
- Как соотносится содержание и художественная форма стихотворений «Рассвет на рельсах» и «Поезд жизни»?

Не забывайте, что Ваш анализ должен представлять собой связный текст.

Рассвет на рельсах

Покамест день не встал
С его страстями стравленными,
Из сырости и шпал
Россию восстанавливаю.

Из сырости — и свай,
Из сырости — и серости.
Покамест день не встал
И не вмешался стрелочник.

Туман еще щадит,
Еще в холсты запахнутый
Спит ломовой гранит,
Полей не видно шахматных...

Из сырости — и стай...
Еще вестями шальными
Лжет вороная сталь —
Еще Москва за шпалами!

Так, под упорством глаз —
Владением бесплотнейшим
Какая разлилась
Россия — в три полотнища!

И — шире раскручу!
Невидимыми рельсами
По сырости пуцу
Вагоны с погорельцами:

С пропавшими навек
Для Бога и людей!
(Знак: сорок человек
И восемь лошадей).

Так, посредине шпал,
Где даль шлагбаумом выросла,
Из сырости и шпал,
Из сырости — и сирости,

Покамест день не встал
С его страстями стравленными —
Во всю горизонталь
Россию восстанавливаю!

Без низости, без лжи:
Даль — да две рельсы синие...
Эй, вот она! — Держи!
По линиям, по линиям...

12 сентября 1922 г.

Поезд жизни

Не штык - так клык, так сугроб, так шквал,
В Бессмертье что час - то поезд!

Пришла и знала одно: вокзал.
Раскладываться не стоит.

На всех, на всё - равнодушьем глаз,
Которым конец - исконность.
О как естественно в третий класс
Из душности дамских комнат!

Где от котлет разогретых, щек
Остывших... - Нельзя ли дальше,
Душа? Хотя бы в фонарный сток
От этой фатальной фальши:

Папильоток, пеленок,
Щипцов каленых,
Волос паленых
Чепцов, клеенок,
О - де - ко - лонов
Семейных, швейных
Счастий (klein wenig!)*
Взят ли кофейник?
Сушек, подушек, матрон, нянь,
Душности бонн, бань.

Не хочу в этом коробе женских тел
Ждать смертного часа!
Я хочу, чтобы поезд и пил и пел:
Смерть - тоже вне класса!

В удаль, в одурь, в гармошку, в надсад, в тщету!
- Эти нехристи и льнут же! -
Чтоб какой-нибудь странник: "На тем свету" ...
Не дождавшись скажу: лучше!
Площадка. - И шпалы. - И крайний куст
В руке. - Отпускаю. - Поздно
Держаться. - Шпалы. - От стольких уст
Устала. - Гляжу на звезды

Так через радугу всех планет
Пропавших - считал-то кто их? -
Гляжу и вижу одно: конец.
Раскаиваться не стоит.

6 сентября 1923

* Немножко, чуточку (нем.).

2. Выполните целостный анализ рассказа Д. Л. Быкова «Обходчик».

В ходе работы Вы можете опираться на следующие вопросы:

- Как соотносятся центральные образы / личностные типы, исследуемые современным писателем: *человек массы – экстремист – обходчик*? Как можно интерпретировать заглавие?
- В чем символический смысл лейтмотива *засыпания*, образа *железной дороги, поезда*?
- Как связаны сатирическое и лирическое начала в повествовании?
- Как речевая организация текста (речь повествователя – несобственно-прямая речь героев – их прямая речь) способствует раскрытию образа протагониста? Какие еще средства для этого использованы?
- Возможно ли рассматривать рассказ как нравственно-социальное / философское иносказание? Присущ ли авторской позиции дидактизм?

Не забывайте, что Ваш анализ должен представлять собой связный текст.

Обходчик

Старцев отряхнулся, оббил снег с валенок, снял тулуп и поставил чайник. За окном темнело. Полотно было в порядке, посторонних он не заметил, да и неоткуда было взяться посторонним. Все эти разговоры про диверсантов гроша ломаного не стоили. Поезда сегодня не было, и до конца недели он его тоже не ждал. Зачем поезд? Про вечно бодрствующую армию на границах Старцеву тоже было все понятно. Никому ничего не надо, любой мог прийти и взять, если б нашел, что брать. А если и была какая-то армия — тоже небось состояла из одного дежурного по КПШ. Прочие спали в дормиториях, замаскированных под казармы. Спячка продолжалась вторую неделю — полная, глубокая, трехмесячная, третья по счету. Спали горожане, крестьяне, бомжи, металась во сне интеллигенция, храпели попы, отслужив напутственное молебствие на сон грядущий: «Даждь мне, Господи, в нощи и зиме сей сон перейти в мире, да восстав в апреле от смиренного ми ложа, благоугожду пресвятому имени Твоему и поперу борющие мя враги плотския и безплотныя». Спала власть в подземном дортуаре, истинного местонахождения которого не знал никто (хоть и поговаривали, что самая-самая элита инкогнито оттягивается на лыжных курортах — Старцев знал, чувствовал, что никуда они не делись, что никакой курорт не заменит им сна, благодетельного, уютного, снимающего все вопросы). Куда бы они сбежали, на кого оставили страну? Про мистическую связь народа и власти — все правда. Оставишь народ в дормиториях, улетишь в Альпы — и заснешь посреди трассы, отскребай тебя потом. Да и мало ли что тут делается, пока

ты бодрствуешь. Нет, спать, так уж всем. И сонная эта эманация была до того заразительна, что один чех, встретившийся ему летом, так и признался: около ваших границ, говорят, народ зевает и спит на ходу. Кофе глушить приходится литрами. Может, это у вас сонные генераторы включены? Да нет, пожал плечами Старцев, какие генераторы. У нас это давно, мы это умеем, это с самого начала было в нашей природе, которой мы теперь наконец перестали противиться.

Спячка выходила выгодной со всех сторон. Производство давно было чисто символическим — так только, чтобы занять руки населения, не участвующего в добыче и экспорте сырья. Жизнь, доказали ученые во главе с министром здравоохранения, заметно удлинялась. Мозг отдыхал. В конце концов Россия — страна рискованного земледелия, нас нельзя судить по американским критериям, у нас в иную погоду на улицу выйти — подвиг, а каждый день ходить на работу, наворачивая на себя по три килограмма меха, пуха, кожи, смазывая щеки кремом, а губы специальной помадой, — доблесть, сравнимая с зимовкой в Антарктике. Самое интересное, что Старцев ничуть не завидовал спящим. Он не считал свою работу подвигом, ибо выбрал ее по темпераменту, по любви, а не по наводке профтехобразования.

Иногда он спал, разумеется, — не долее шести-семи часов, через два дня на третий. Дело было не в бессоннице, возведенной теперь в ранг бунта, — а в блаженстве, которое он испытывал, бодрствуя посреди спящей страны. Он никогда в жизни не испытывал такой радости — не спать посреди огромного спящего пространства, чувствуя себя не просто его тайным хранителем, но, если угодно, гарантом существования. Вот этот, который спит сейчас где-нибудь за красной зубчатой стеной или, как Сталин во время войны, в самарском бункере, — какой он гарант? В чем его работа? А путевой обходчик Старцев каждый день и каждую ночь обходит свой участок дороги. В этом нет никакого смысла, потому что поезд ходит все реже, а к январю, как в прошлом году, перестанет ходить совсем. И так ведь ясно, что армия не нуждается в подвозе продуктов, потому что во сне не ест. Ну, может, кто-то и ест — двое или трое упомянутых дежурных, — но не целый же поезд они сжирают. Так что все эти экспрессы к границам — чистый пиаровский ход, имитация дежурства, ночной зимней жизни... хотя — для кого имитировать? Кто сунется в это подмороженное болото? Старцев любил Родину — именно за возможность быть зимним путевым обходчиком, который не спит, когда все спят, — но отлично понимал, что она никому особенно не нужна. Разве что самому Старцеву, и то потому, что здесь он мог чувствовать себя хранителем целой страны, а больше нигде.

Телевизор давно показывал сетку под советские военные марши, радио передавало лирические песни из советских же кинофильмов, а Интернета у него в будке не было. Он в нем и не нуждался. Тут были самые необходимые, надежные и прочные вещи: топчан с двумя одеялами, плитка, чайник, стол, стул, шахматы, библиотечка из пятидесяти книг, которые он отбирал за лето

и осень, несколько видеокассет, телевизор, совершенно бесполезный, но почему-то создающий уют, и черный эбонитовый телефон для связи с миром. Телефон иногда звонил, но всякий раз, как Старцев брал трубку, до него доносились только попискивания и потрескивания. Он думал сначала, что это его проверяет госбезопасность, уж она-то не спала,— но какой смысл госбезопасности проверять путевого обходчика? Некого больше, что ли?

Спячка была, если вдуматься, совсем неплохим изобретением. Единственная трудность — с воспроизводством населения: залетать можно было только в марте, чтобы родить в первых числах декабря и погрузиться вместе со всей страной в благодетельный сон. Правда, теперь и рожали мало — не то что во дни процветания; но сырье еще кое-чего стоило, а потому страна продолжала размножаться, хоть и без особенного смысла. Кого плодить-то — сонь? Большая часть населения теперь работала на эти три месяца сна: в ток-шоу обсуждали сны, в НИИ выдумывали безвредные снотворные... Тем не менее умудрялись как-то рожать, тут же отдавая младенцев в младенческие спальни. Дома всю зиму стояли пустые, в них не топили, экономя на солярке: отапливались только дортуары, похожие на многоэтажные парковки. В дортуарах спала вся семья Старцева — мать, отец, жена, двое детей. Старцеву было странно, что когда-то он считал этих людей своей семьей. Первая же зимовка отделила его от них бесповоротно. У тех, кто впадает в спячку, не может быть ничего общего с тем, кто по собственному почину от нее воздерживается. Экстремисты, говорят, тоже все поуходили из семей.

Экстремисты не желали спать и всячески срывали процесс, но их отлавливали и усыпляли принудительно. Напрасно они устраивали марши протеста, апеллировали к Западу, давно на нас плюнувшему, и доказывали, что спячка отнимает у россиян четверть жизни. Население осуждало их единодушно и охотно. Население хотело спать. Пожалуй, только экстремистов и стоило бояться — Лимонов в свои восемьдесят никак не желал угомониться, и последователей у него хватало,— но на подрыв поезда пока никто не решался. Иногда Старцеву казалось, что экстремистов выдумали, наняли за деньги — просто чтобы остальным спалось спокойней. Всегда лучше спится, когда рядом кто-то бодрствует. Он еще в армии заметил: высшее счастье — проснуться среди ночи, услышать, как, ругаясь, встают шоферы на ночной выезд, и радостно провалиться обратно в сон: можно, Господи, не вставать! Это и есть истинный уют.

Раз за день и раз за ночь он по часу обходил свой участок, повторяя про себя: где черный ветер, как налетчик, поет на языке блатном — проходит путевой обходчик, во всей степи один с огнем... Есть в рельсах железнодорожных пророческий и смутный зов благословенных, невозможных, не спящих ночью городов. И осторожно, как художник, следит проезжий за огнем, покуда железнодорожник не пропадет в краю степном.

Это были очень старые стихи. Тогда еще были не спящие ночью города. Скоро рельсы совсем заметет снегом, и Старцеву нечего будет

обходить — он уже знал это по опыту двух предыдущих зимовок. Ничего, все равно будет протапывать дорожку и проходить хотя бы километр. Полезно. В сущности, он не испытывал к спящим никакой враждебности. Легкое высокомерие, не более. В конце концов, человек — обычное высшее животное, и впадать в спячку для него естественно. Он так увлекся самокопанием — нет ли в нем на самом деле презрения к человечеству, и если есть, то как бы его побыстрее выкорчевать, — что не сразу расслышал стук в дверь, а потом в окно. Ему показалось, что ему показалось. В следующую секунду он бросился к двери и широко распахнул ее.

На пороге стояла очень замерзшая девушка лет семнадцати.

Старцев так обалдел, что в первую секунду не задал никаких вопросов — просто схватил ее за вялую, безвольно висевшую руку в серой вязаной варежке и втащил в теплую дежурку. Удивительно, как у нее хватило сил постучаться. Лицо у нее было бледно-синее, губы белые, выражение безнадежное. Старцев усадил ее ближе к обогревателю и принялся раздевать, растирать, тормошить — нельзя было отпустить ее в беспмятство, сейчас она должна была любой ценой двигаться, разгонять кровь, говорить, соображать. Самое страшное начинается, когда достигнешь цели и решишь, что все позади. Тут-то от тебя и требуется все мужество, вся сила. Он бормотал ей это, но она вяло кивала и клонила на лавку, и Старцеву пришлось сильно надавать ей по щекам, чтобы во взгляде ее появилось подобие осмысленности.

— Ты откуда? — спрашивал он. — Как ты тут вообще? С ума сошла, все спят, а она ходит...

— Я из Москвы, — сказала она.

— Это, что ж, ты пятьдесят километров пешком шла?! — не поверил Старцев. Начало декабря было холодное, страшное, он замерзал на десятой минуте обхода и принимался подпрыгивать, пробегать метров по сто, тереть нос и уши — как она дошла в своей тонкой дубленке?

— Я хотела на поезд, — сказала она.

— Сейчас, сейчас, — суетился Старцев, наливая ей кирпичного чаю и доливая в тонкий железнодорожный стакан пятьдесят граммов из заветного запаса. — Вот, пей, да не обожгись.

Она отхлебнула, поморщилась и чуть не уронила стакан.

— Как тебя звать-то?

— Женя, — почти беззвучно сказала она.

— И чего ты делаешь ночью на дороге?

— Поезд, — повторила Женя. — Я думала, что поезд.

— И куда б ты на нем уехала?

— Не знаю. Но ходит же куда-нибудь.

— А чего ты не спишь-то?!

— А вы кто?— спросила она наконец.

— Я обходчик здешний. Путевой обходчик, знаешь про таких?

— Не знаю,— сказала она.

Она была красивая, он только сейчас заметил это, красивая, хотя и простоватая: такие если что решат — не отговоришь. У нее было совершенно детское круглое лицо, круглые глаза, нос кнопкой. Такого ребенка нельзя было выпускать из дому зимой, но кого же они спрашивают? Уходят куда глаза глядят, и не удержишь. Такие влюбляются на всю жизнь и никогда не прощают измен, им ничего нельзя объяснить. Лицо круглое, а сама худая. Слава Богу, ничего не отморозила,— Старцев растер ей ноги, уложил под ватное одеяло, силком влил стакан чаю с ромом и уселся рядом. Около часа она пролежала молча, но не спала, а всем телом впитывала тепло. Из нее словно вынули позвоночник — вся сила ушла разом, она и пальцем не могла пошевелить. Только через час стала монотонно рассказывать, глядя мимо него,— Старцев молча слушал, дивясь ее наивности и тому, что одинокая будка со светящимся окном так издали случилась у нее на пути.

Она была влюблена в экстремиста, уже второй год, влюбились сразу после школы. Он был ее однокурсником. Учебный год начинался теперь 1 апреля и заканчивался 1 декабря. Однокурсник был красивый, загадочный, грязный, неухоженный. На третий день знакомства он признался ей, что не спит. Они все в организации не спят, потому что не считают возможным отнимать у себя по три месяца. Организация ей тоже понравилась: романтично, и так странно, что их все ищут, а они так запросто растворены в городе: учатся в институтах, кадрят девушек. Она сама не заметила, как стала везде ходить с ним, говорить только с ним, а потом и спать с ним. Матери с отцом он активно не нравился, и это тоже было романтично.

— Он все рассказывал, как они не спят. Все автобусами разъезжаются по дортуарам, марши там, митинги... проводы... Хрюша и Степашка всех благословляют, из «Спокойной ночи, малыши»... Потом прием снотворного, коллективный. Всем из ложечки, как причастие. А они сбегают. Просачиваются как-то. Там же, знаете, и не досматривают как следует. Ясно же, что все равно тут зимой делать нечего. Все спят. Магазины закрыты. Жрать нечего, в телевизоре один канал армейский. С ума сойдешь за три месяца. Дортуары все равно заперты, буди не буди. Ну разбудишь ты одного, двух, а толку? Они все равно все как под кайфом, разговаривать нельзя... Но Олег — он так рассказывал! Он говорил, что когда все спят — тут самое начинается интересное. Ночная жизнь. Что они на квадроциклах каких-то гоняют. Что по пустому городу устраивают автогонки. Что никакой милиции — делай что хочешь. И хотя квартиры заперты, но можно иногда залезть. Не то чтобы воровать — они же идейные, не воруют,— а просто вот так залезть в чужую жизнь. Очень интересно. Он мне рассказывал, как однажды ночью залез в антикварный магазин и три дня там прожил среди старых вещей.

Старцев ни за что не хотел бы остаться на ночь в пустой Москве. Электричество в домах отключено, энергия экономится, полусвет и тепло только в дортуарах, да и тепло такое, какого достаточно медведю для спячки: что-нибудь около нуля. Пустые серые улицы, короткие дни, длинные морозные ночи. Даже в Новый год никого не будят — его празднуют заблаговременно, накануне спячки, перед тем, как погрузиться в трехмесячную нирванну. Поговаривают, что рано или поздно научатся транслировать фильмы непосредственно во сне, с помощью специальных электродов, прикрепляемых ко лбу, но пока не получается. Все лежат и смотрят собственное скучное кино про скучную жизнь, а жизнь наполнена девятимесячной подготовкой к главному празднику. Счастье наступает в дортуаре, после ложки снотворного, в уютном спальном мешке, в сознании полной безопасности, в детском, даже и не детском, а пренатальном, дородовом уюте. Спать, пуская слюни; спать, ни за что не отвечая, ничего не делая, ни о чем не помня; спать, как спят в ночном поезде, промахивающем снежные пустые равнины, — все равно от тебя ничего не зависит, ты не можешь изменить маршрута, железная дорога потому и называется железной; спи, во сне ты не сделаешь зла, не обидишь, не предашь; спи, во сне ты привыкаешь к смерти и видишь — ничего страшного. Когда тебя вычли из мира, он не рухнул, не перевернулся. После смерти мы, наверное, тоже проснемся, осмотримся, поймем, что без нас ничего не изменилось, — и снова провалимся в сон, уже окончательно. Это и будет страшный суд.

— Ну вот, — продолжала Женя, повернувшись на левый бок и подложив кулак под щеку. — В первую спячку — она вообще была вторая, но у нас первая — я отказалась с ним остаться. Я пошла и заснула с родителями. А он меня после спячки встретил и еще месяц презирал. Демонстративно с Катькой ходил. Но потом помирились как-то, в парке Горького. Я ему все сны рассказала, а он говорит — дурацкие у тебя сны. Мы, говорит, пока ты дрыхла, устроили тут ролевою игру в блокаду, в вымерший город. Фотки показывал. Я потом только узнала, что он их из сети скачал и что ничего не было.

— А что было? Что они делали?

— Ничего не делали, — сказала Женя. Старцев подумал, что сейчас она заплачет, но она сдержалась. Если бы она и плакала, то уж никак не от тоски по своему неухоженному красавцу, а исключительно от стыда. Потому что она поверила, как последняя дура, а верить было нельзя ни в коем случае. Она убежала из дома за день до спячки, испортила родителям Новый год, тайно встретила в лесу с этим своим Павлом и всей его командой и приготовилась к долгой зимовке, запасала, идиотка, консервы... а они, как только отгремели митинги и окончательно успокоилась во сне Москва, побежали в какое-то выселенное здание, где у них, представляете, был устроен собственный дортуар, с автономным отоплением... и полезли в спальные мешки... и наглогались снотворного... и стали спать, как суслики! Пашка, сволочь, первый же захрапел!

Она действительно едва не разревелась, вспомнив, как стояла одна посреди заброшенной пустой школы, которую облюбовала оппозиция для дортуара, как смотрела на их вождя, с довольным похрюкиванием забиравшегося в красный атласный мешок, как все они натягивали толстые вязаные шапочки, как закрывали на молнию мешки, оставляя снаружи только поросычьи розовые носы,— и как Паша уже сквозь сон ей пробормотал: ну что ты, как дура! Полезай ко мне! Как ты не понимаешь, нам совсем не обязательно НЕ СПАТЬ. Нам важно СПАТЬ НЕ С НИМИ. Это и есть настоящая оппози... опезо... Кххр...

— А ведь это он дело сказал,— удивился Старцев.— Действительно умный парень, Паша-то.

Женя посмотрела на него с недоумением:

— Но они же все вралы, понимаете? Нету никаких экстремистов!

— Почему, есть,— усмехнулся Старцев.— Целых двое. Мы с тобой.

— В смысле?

— В смысле мы не спим. А все спят. Какого тебе еще экстремизма?

Только тут она испугалась его:

— А вы почему не спите?

— Да не маньяк я,— сказал Старцев.— Не бойся. Я дежурный по этому участку, путевой обходчик. Слежу за железной дорогой, чтобы поезд ходил.

— А он ходит?

— В последнее время не ходит,— признался Старцев.

— Тогда зачем же вы...

— Ну, не знаю. Просто так. Считаю, что я оппозиция.

Некоторое время они молчали.

— А что,— снова усмехнулся Старцев.— Я вообще-то догадывался. Больно рожу у них были заспанные в апреле.

Женя кивнула:

— Я тоже заметила. Паша опух даже. Говорил, что от холода.

— И что ты делала,— спросил Старцев,— когда заснули все?

— Да ничего. Пришла в город. Пошла к себе домой. У меня ключ был. Мать мне записку оставила, что я сволочь и все такое. Догадалась. Первое время у меня все было — консервы, печенье. Я отложила в диван и на антресоли еще. А потом чувствую — скоро еда кончится. Магазинов нет. Милиции нет, дрыхнет вся. Где-то очень глубоко дрыхнет, чтобы во сне не поубивали. Ну вот, они спят, а мне что делать? Я вспомнила, что поезд должен отходить на границу, со снабжением. Пошла на Ленинградский, а там никого. И на Белорусском никого. Я на Ярославский, там меня чуть не арестовали. Убежала. Думаю, значит, по рельсам пойду и в дороге перехвачу. Иду, иду, а поезда нет. Замерзла совсем, а назад страшно. Потом вижу — у вас свет, вас

издали видно. Километра за три. Еле дошла. Думала, что арестуют, а потом думаю — ну, не убьют же! Лучше арестуют, чем так... в полях, на рельсах...

— Ну а если б поезд пошел?— спросил Старцев.— Что б ты делала?

— Махала бы,— с недоумением, словно удивляясь собственной наивности, сказала Женя.— Он бы остановился... наверное. Подобрал бы.

— Хрена он тебя подобрал бы.

— Да нет, не может быть. Неужели замерзать бы бросил?

— Ну, может, и подобрал,— буркнул Старцев, не желая подтачивать ее веру в человечество.— Привез бы тебя в часть. А там один дежурный пограничник. Что делать будешь?

— Ну тушенка-то у них есть какая-нибудь?— спросила Женя.— Нашли бы для меня хоть буханку, нет? И потом, все-таки люди...

— С людьми-то страшной иногда,— сказал Старцев.

— Нет,— убежденно возразила она.— Страшной, чем в Москве без людей, нигде не будет. Там же совсем никого, понимаете? Вообще. Ледяная пустыня. А он говорил — гонки...

Она все-таки разревелась.

— Да не реви ты,— сердито сказал Старцев.— Что такого? Подумаешь, весна скоро. Через два месяца с небольшим, всего-то. Проснутся все. А ты им будешь рассказывать, какие тут гонки.

Эта мысль ее позабавила.

— А мы тут пока с тобой дежурить будем,— воодушевился Старцев.— По очереди полотно обходить. Чаю у меня хватит, ем я мало. Книжки есть. Будем сочинять, чего тут было, пока все спали. Когда тепло, то не страшно. Печку будем топить. Знаешь, как интересно обходить пути? Идешь совсем один, небо бархатное, звезды. Вокруг ни человечка, ни огонька, ни дымка отдаленного. Фонарь у тебя. У меня большой фонарь, красный с белым. Над полосой отчужденья фонарь качается в руке, как два крыла из сновиденья в середине ночи на реке... И в желтом колыбельном свете, у мирозданья на краю, я по единственной примете родную землю узнаю... И осторожно, как художник, следит проезжий за огнем, покуда железнодорожник не пропадет в краю степном.

— Это что?— спросила она.

— Это старые стихи, неважно чьи.

Он только теперь понял, как ему не хватало второй живой души. Хорошо не спать ночью, а одному все-таки страшно. Лучше, когда не спишь вместе с кем-то. Какое счастье — спать вдвоем, вспомнилось ему. Да, спать вдвоем, но не спать вдвоем — куда большее счастье! Теперь он не один, и, чем черт не шутит, может быть, не один уже навсегда — нашлась наконец такая, которая тоже не спит зимой. Сама пришла из ночного холода, из пустой

Москвы, взялась ниоткуда... Старцев налил себе стакан чаю и стал медленно, блаженствуя, пить.

— А вас как зовут?

— Олег.

— А вы как думаете, Олег,— спросила она смущенно,— он меня простит?

— Кто?— не понял Старцев.

— Ну... Пашка. Что я не легла с ним.

Старцев помолчал.

— Ему-то с чего тебя прощать?— спросил он брезгливо.— За что? Это тебе прощать его надо — за то, что одну бросил...

— Но он же не мог иначе,— убежденно сказала она.— Он клятву давал, кровью подписывался. Он со всеми. Я сама виновата, если не захотела. А так получается, что я его предала.

Старцев не ответил. Потом до его слуха снова донеслось жалобное хныканье из-под одеяла.

— Да простит, простит он!— сказал обходчик.— Куда денется...

— Мало ли что ему там присни-и-ится,— простонало из-под одеяла.

— Да не приснится ему ничего особенного. Чтобы снилось, надо, чтобы в голове что-то было. А что у него в голове?

— Вы не знаете!— возмущенно прохлюпала она.

— Все я знаю,— сказал обходчик.— Спи.

— А вы не будете?

— Я не буду, мне пока нельзя.

Некоторое время он посидел за столом, прислушиваясь к ее ровному сопенью, потом взял фонарь и вышел пройтись. Все правильно, думал он. Если ты кому-то нужен — ты уже не путевой обходчик, а так, дилетант. Было безветренно, тихо, совершенно пусто. Крупные звезды смотрели на обледеневшую насыпь, да летел между ними спутник, посылая в никуда никому не нужный сигнал.

2007 г.

Творческое задание

Вам предлагается попробовать себя в роли создателя «баттл»-текста от лица двух литературных героев-соперников, представляющих ценности и мироощущение определенной культурно-исторической эпохи.

«Баттл» – явление современной молодежной городской субкультуры, своеобразное соревнование, конкурс, смысл которого – не только победить,

отстояв собственную точку зрения, но и выявить слабые стороны в позиции противника. Несмотря на короткое время «бытования» слова «баттл» в русском языке (конец 2000-х гг.), жанры, в основе которых лежит идея соперничества, утверждения превосходства собственных убеждений, были давно известны мировой культуре. Это диспут и полемический трактат, эпистола и «разговор», история которого связана с традициями античных «диалогов».

Перед Вами несколько пар литературных героев, имеющих, благодаря создателям, вполне самостоятельное представление о жизни, о себе, о мире, в котором существуют. Ваша задача заключается в том, чтобы выбранные Вами для творческой работы персонажи вступили в диалог. Их «баттл», спор должен касаться каких-то важных вопросов, связанных с мировоззрением этих героев. Выбирая стратегию спора-диалога, Вы *можете* опираться на ключевые понятия, предложенные в заданиях. Помните, что позиции героев могут в чем-то совпадать, а могут быть прямо противоположны, интонация их реплик может быть убеждающей, критической, вопросительной, восторженной, сатирической, но – главное – всегда корректной, что столь важно для победы в «баттле». Подумайте, кто, по Вашему мнению, ее должен одержать? Свой ответ обоснуйте.

Задание не предполагает жесткую закрепленность за каждым героем именно того оппонента, который предложен изначально. Выбранный Вами персонаж может бросить вызов любому другому сопернику из названных ниже.

Внимание! Творческое задание пишется прозой. Перед тем, как приступить к работе, продумайте ее стиль и композицию. Не забывайте, что при обрисовке каждого персонажа нужно опираться на авторскую позицию, на идейный мир произведения, которому принадлежит литературный герой.

Григорий Мелехов – Юрий Живаго (революция, неординарная личность и эпоха, смысл человеческого бытия и смысл истории,

христианские ценности, любовь, брак, семейные связи, вписанность в традицию и разрыв с ней);

Юрий Живаго – Мастер (творческая самореализация личности, истинный / ложный талант, оригинальность и ординарность, художник и власть, художник и общество, художник и история, творец и его творение, творческое бессмертие);

Константин Сатин – Иешуа Га-Ноцри (смирение и гордыня, сила и слабость, отношение к окружающим, сверхчеловеческое / человеческое / недочеловеческое / внечеловеческое в героях);

Константин Сатин – Виктор Зилов (социальный «нигилизм», «я» и «другие», поиски смысла жизни, любовь и семья, утрата ценностных ориентиров);

Лара – Маргарита (любовь как творчество, верность и предательство, интуитивное постижение реальности, рациональное и эмоциональное, отношение к социальным конвенциям, свобода, греховность, поиск «граней дозволенного»);

Старуха Изергиль – Аксинья Астахова (ценность семьи, любви, родовых связей, поиски личного счастья, страсти и разум, эгоизм и альтруизм, способ решения сложных жизненных вопросов);

Фома Пухов – Иван Африканович Дрынов (философия жизни, эпоха, отношение к смерти и войне, «я» и «другие», русский национальный характер).

Уважаемый участник олимпиады!

Задания и ответы олимпиады будут опубликованы на сайте ГБУ ДО КК «Центр развития одаренности» (www.cdodd.ru) в день проведения олимпиады в 15.00 в разделе «Методическая копилка/Олимпиадные задания муниципального этапа ВОШ».

Уточните у организаторов, где и когда будут опубликованы результаты проверки олимпиадных работ.

В случае несогласия с выставленными баллами вы можете подать апелляцию, предварительно просмотрев Вашу оцененную работу, обратившись в муниципальный орган управления образованием. Там же Вы можете получить подробную информацию о месте и времени проведения просмотра олимпиадных работ и апелляции.